

Влх. Богумил

СЛАВЯНСКАЯ КНИГА МЁРТВЫХ Проводы Души

Издательство «ВЕЛИГОР»
Москва 2018

УДК 1/14

ББК 87.3

Б - 74

Волхв Богумил. Славянска книга мертвых. Проводы Души — М.: Торговый Дом «Велигор», 400 ст. 2018.

Как и когда поминали своих умерших славяне в давние времена? Как провожают душу на сорок дней? Что из этих обычаев перешло в современную похоронно-поминальную обрядность? Об этом и многом другом рассказывается в данной книге на широко этнографическом материале восточнославянской традиции. Работа предназначена исследователям в области славянских древностей, а также всем интересующимся вопросами русской народной культуры.

ISBN 978-5-88875-582-2

Издательство Велигор

г. Москва., м. Тульская., Гамсоновский пер, дом 2, стр 1

Бизнес Центр “Центр-Т”, первый этаж, офис 113

тел: (495) 784-06-61 8(985) 784-08-16

E-mail: veligor97@gmail.com

Интернет магазин: WWW.VELIGOR.RU

Подписанно в печать 27.04.2018 г

Формат 60x90/16., Печ.листов 25,

бумага офсетная., Тираж 150

© ООО ТД «Велигор» - 2018-2023г.

© Оформление ТД «Велигор» 2018 год

© Влх. Богумил - Полные прав

Содержание

Вступление	4
Сороковины.....	6
«Проводы души»	23
«Поднимать воздух».....	75
Кремация	133
Растительный код	165
Полотно в похоронном обряде.....	255
Последняя пригоршня.....	282
Поминальный календарь.....	296
<i>Приложение 1</i>	323
«Поминальная смета».....	323
<i>Приложение 2</i>	335
[«Деда» в Полесье]	335
<i>Приложение 3</i>	337
Возможные грани реконструкции.....	337
Литература	344

Вступление

Изучение похоронной обрядности существенно не только «для реконструкции некоторых фундаментальных представлений славянского язычества, /.../ но и для общетеоретического, типологического определения религиозной системы славян» (Седакова 2004, С. 19).

Всем нам приходится в своё время узнать смерть со стороны – уходят из жизни наши родственники, друзья, просто люди, которых мы знали. Умершего надлежит правильно проводить в мир иной и должным образом оказать ему почет, помянув согласно обычаю: «Крестьяне не могут себе представить, чтобы дети не стали хоронить и поминать своих умерших родителей, так что этот долг нельзя даже отнести к числу обязанностей детей по отношению к родителям: это – больше, чем обязанность, это – само собой разумеется, иначе и быть не может» (Тенишев 4, С. 116). Это печальная сторона бытия, однако, подобные обряды ее скрашивают, не только служа для умиротворения душ покойных, но и примиряя с утратой остающихся в живых. Похоронно-поминальная обрядность возникла в глубокой древности, складываясь постепенно, видоизменяясь вслед за окружающей действительностью. О славянских, времен язычества, архаичных практиках такого рода надежных свидетельств весьма и весьма немного: буквально несколько кратких упоминаний восточных авторов, повторяющих цитаты друг друга о диковинных для них ритуалах северных гяуров, составленное Ибн-Фадланом развернутое описание похорон у русов, об этнической принадлежности которых – скандинавы или славяне – до сих пор спорят, и общий похоронный обряд, устроенный князем Святославом для своих павших под Доростолом воинов, известный в изложении Льва Диакона, тому событию не бывшего очевидцем. Это, плюс археологические данные, снабжающие исследователей материальными свидетельствами, – вот, пожалуй, и вся база. Признано, что многочисленные элементы погребальных обрядов у восточных славян, известные нам по этнографии XIX – XX вв., в своей основе не имеют

ни малейшего отношения к христианству, и являются языческими по происхождению. Это позволяет ретроспективным методом реконструировать приблизительный ход ритуала. Хотя, разумеется, нужно всегда помнить, что полученная таким путем конструкция – не более чем гипотеза, один из многих возможных вариантов, ко всему прочему – обобщающий, а, следовательно, напрочь игнорирующий локальную специфику, будучи не в силах дойти до такой детализации. В настоящей работе автор не планировал замахнуться на решение такой глобальной задачи, как реконструкция похоронного обряда языческого периода истории восточнославянских народов. Наша задача намного скромнее: разобрать некоторые моменты похоронного ритуала и попробовать реконструировать обрядность сорокового дня поминовения умершего – ритуал «проводов / отпускания души». Необходимо оговориться, что, в конечном итоге, реконструкция эта преследует вполне практическую цель – дать материал, или, скорее, основание, к созданию «удаленного» поминального ритуала для той немногочисленной части современного славянского населения России, Украины и Беларуси, что придерживается взглядов возрожденного язычества – родноверия. Данная цель реализована в качестве приложения к исследованию, и полученный результат по определению не является объективным, будучи порождением религиозного характера. Само же исследование вполне претендует на объективность научного анализа. Надеюсь, обе стороны проекта автору удались.

10.05.2016-25.09.2017

Сороковины

Почему мы переходим сразу к обрядности сорокового дня, хотя помимо сороковин было принято отмечать третий, девятый, иногда двадцатый дни после смерти человека? Ответ предельно прост – потому как чаще всего в указанные сроки никаких специальных обрядов не отправлялось. Третины, девятины и полусорочкины были важны как определенные вехи поэтапного расставания с умершим, было у этих дат и определенное обоснование в народной традиции¹. Однако кульминационным моментом воспринимался именно сороковой день и практически вся провожальная обрядность оказалась сосредоточена в нем. При создании свода цикла похоронно-поминальных действий это необходимо учитывать в первую очередь.

Рус. *сорочкины, сороковины, шестины*, укр. *шестини, сорочкини, сороковини*, блр. *шастины*, болг. *четиридесетини, четиресе*, макед. *четириесетте*, серб. *четрдесница, четиресе, четрдесет дана, четерес, четерескиња* – сороковой день после смерти человека, во множестве локальных традиций восточных славян отмечавшийся весьма своеобразно. Помимо пира, не особенно отличавшегося от поминального стола прочих дней², устраивались также «проводы души» (спб. *проводины покойника*, смол. *провождение души*, ряз. *отпускать душку*, олонеч. *отпустить покойника*³), поскольку счи-

¹ Кубанская обл., г. Ейск «думают, что душа умершего три дня по смерти витает невидимо в том самом доме, где жила с телом» (Стефанов, С. 173), Карелия, Пудожский р-н, д. Заозерье «до 9-го дня дух под потолком летает и смотрит, кто что делает» (Стишева, С. 165).

² Оренбургская обл., Сакмарский р-н, с. Донское: «На сорок дней делали такой же обед, как и в другие поминальные дни: как в девять дней, и как в год» (МЭ, С. 344).

³ В Моршанском р-не Тамбовской обл. в сороковой день кланялись во дворе душе умершего: «*Ныне отпускается раб твой по закон /.../ с миром*» (Бузин, С. 610). Ср. название трапезы сорокового дня: орл. *отпуск, отпускная* (Леонова, С. 112): «*Щилавек умираит, и щирис сорок дён ему делают паминки – еть и есть отпуск*», «*На саракавой день паминки, отпуск, кагда атпускают душу пакойника*» (СОГ, С. 206).

талось, что на сороковины душа окончательно покидает землю, уходя в загробный мир: Архангельская губ. «Считают даже, что покойник до 40 дней живет близ своих, бродит около родного крова и уходит лишь после так называемого «отпуска», совершаемого в 40-ой день; если не сделать этого, то покойник будет мучиться, да и живых будет беспокоить. «Отпуском» служит лития, совершаемая в 40-й день, и поминки, совершающиеся в различных местах различно» (Куликовский, С. 55), Архангельская обл., Мезенский р-н «*После сорокового дня духи улетают – витают в воздухе*» (Кокконова, С. 31), Бурятия, Тарбагайский р-н «*на сороковой день душа определяется*» (Юмсунова, С. 227), Тамбовская обл., Моршанский р-н, с. Алкужинские Борки «*Ана ж да сарака дён в доми, душа-та. Первыи три дня в доми, да дивяти дён ва дваре, а да сарака дён на зимле. А уж апасля иё Бох к сябе на суд заветь. Паэнтаму надать атпустить душу-та*» (СТГ, С. 129). Имеется и иное толкование выбора срока – в сороковой день, как считает составитель Сборника сказаний о загробной жизни (XVIII в.), у погребенного тела разрушается сердце (вместилище души) и распадается костяк: «*Четырдесятый же день творим, яко в той день и то самое сердце погибает, и костем развалившимся*» (Буслаев, С. 91); духовоборы Грузии: «*Помины были три раза /.../ на сороковой – когда истлевало сердце*» (Науменко, С. 126-127). Однако сороковины отмечают не только «почему», но и «зачем»: Минская губ., Минский у., Нежковская вол. «*Шастины и дару нужно править непременно, а то душа, которая до шастин находится здесь же, в своем доме, за образами, после сорокового дня, «коли ее ни помянуть, идет страдать по болотах и будя страдать, покуль ее ни помянуть, а коли ни помянуть, дык целый век будя страдать»*» (Шейн 1/2, С. 591). Подробнее о целях празднования сороковин говорится в главе «Поднимать воздух».

Начать нашу реконструкцию следует с постановки вопроса: а является ли традиция поминать усопшего в регламентированные сроки (3, 9, 20, но важнее всего – 40 дней) частью обычая славян дохристианского периода, не принесено ли данное обыкновение после крещения восточнославянских народов? Вопрос совершенно не

праздний, ведь в случае христианского происхождения обычая под сомнение ставится если не сам обряд «проводов души», то, по меньшей мере, его приуроченность. Христианские авторы вполне недвусмысленно высказываются на этот счет, трактуя сроки в русле своей религиозной парадигмы: *«Совершайте же третины почивших в псалмах, чтениях и молитвах, ради Воскресшего в третий день, и десятины, в воспоминание сущих здесь почивших, и сороковницы – по древнему образцу, – ибо так народ израильский оплакивал Моисея, – и годовщины, о памяти почившего»* (Псевдо-Климент. Апостольские постановления. VIII.42; редакция памятника в целом относится к концу IV или к началу V в.). Также принято ссылаться на сорокадневные посты Моисея и св. Илии, а также на явление Христа на третий и девятый дань, а затем и вознесение через сорок дней после его кончины (Филипп Монотроп «Диоптра», 1095 г.). «Синаксарь Субботы мясопустной» заходит с другой стороны, предлагая более «рациональное» толкования: *«Третины убо творим, яко в третий день человека вид изменяется. Десятины, яко тогда все растичется здание, храниму сердцу единому. Четырдесятины же, яко и самое сердце тогда погибает. И рождение бо сице происходит: в третий бо день живописуется сердце, в девятый же составляется в плоть: в четырдесятый же в совершенный вид воображается. За сию вину душам память творим»* (Цит. по: Седакова 2004, С. 71). Как видим, церковники не были единодушны в объяснении – следовательно, канонической версии вовсе не существовало.

Этнографические записи как будто свидетельствуют в пользу православной трактовки, объясняя дальнейшую судьбу души христианскими религиозными реалиями. Тексты говорят о предстоящих мытарствах, которые должна узреть душа: Тамбовская обл., с Пичаевский р-н. Грачевка *«Да сарака дён Гаспоть должын висѣти на мукам. Па мукам фсех водють. Вясьти на мукам – паказывать, значить, где и што я дельла фсю жызьню. А патом Гаспоть мини судить будить. Как жыла, так и судить будить»* (СТГ, С. 49). А также упоминают о тех местах, куда душа ожидаемо попадет (существовали даже методы гадания, позволяющие это определить, о чем

далее): Оренбургская обл., Оренбургский р-н, с. Черноречье «На 40 дней Иисус Христос определяет, куда определить этого человека – в рай или в ад» (МЭ, С. 340), Краснодарская обл., Кореновский р-н «Идет на поклонение до Господа, и Господь определяет, куда ее – то ли в Рай, то ли в ад» (Кубань, С. 201). Однако эти свидетельства мнимые, поскольку представление о двух диаметрально противоположных частях загробного мира было известно индоевропейским народам задолго до христианства. Рай и ад, на свой лад называя каждый из локусов, знали древние греки (Гомер. Одиссея. XI. 13-19), скандинавы (Младшая Эдда. Видение Гюльви), индусы (Шри-мад-бхагаватам. V.26.8). Если есть Пекло – найдутся и мучения. Восточнославянские сказки, повествующие о путешествии героя в мир иной (к Богу, Солнцу, Змею, Деду-Всеведу и т.д.), непременно описывают загробные муки грешников, виденные им на пути: «две женщины, из озера в озеро воду переливают» – «молоком торговали, в молоко воду вливали»; «два мужчины, с места на место камения перерывают» – «были кладовщиками, да много воровали, так им не будет прощения» (Заонежье, № 1), укр. гуц. «Дівка, що краля дитину, се тога, що свою стратила» (Шухевич 5, С. 39)⁴. Истязания грешных душ знают классические тексты: Вергилий. Энеида. VI.560-617; Младшая Эдда (Видение Гюльви) и Старшая Эдда (Про-рицание вельвы. 38-39); зороастрийская «Арда Вираз Намаг»; Гаруда-Пурана, 3.49, 52-53. Неоплатоник Прокл (V в.) приводит фрагмент орфической поэмы, где разделение праведников и грешников вполне наглядно: «**Кто безгрешно прожил под лучами Ээлиоса [Солнца], // Тех и по смерти судьба ожидает помягче, [чем прочих], // На красивом лугу, у глубоких вод Ахеронта. // Кто ж беззаконья творил под лучами Ээлиоса, // Тех, бесчинных, низводят вниз под равнину Кокита, // Тартар во леденящий»** (ФРГФ, С. 58). Еще лаконичнее о том в «Законах Ману» (VII.53): «**порочный идет в преисподнюю, умерший непорочный идет на небо**». По сути, православие на землях восточных славян лишь закрепило древнейшие традици-

⁴ Подробнее см.: влх. Богумил. Потусторонний мир славян: Исследование и путеводитель. – М., 2009.

онные представления, освятив своим авторитетом «совпавшие» верования. Следовательно, ни упоминания мытарств, ни отсылка к ожидающим душу Раю или Аду, делаемые в связи с сорокадневным сроком поминок, не могут как-либо доказать христианские истоки данной даты.

Сомнения в христианской трактовке срока в сорок дней высказывались учеными и ранее: «40-дневный срок активного поминовения до преставления души, за которым стоит представление о промежуточном положении умершего, его «мытарствах», «испытаниях», естественно было бы связать с церковным влиянием: уподобление сроку от Воскресения Христова до Вознесения (40 дней) или Великому посту (6 недель). Однако это число, как и другое распространеннейшее число дней «испытания души» между кончиной, выходом из мира живых, и входом в другой мир — 30, может восходить к дохристианской древности. Х. Ранке связывает эти две распространеннейшие традиции поминовения — 40 и 30 дней — с лингвистическим показателем: разделением индоевропейских языков на группы сатэм (40 дней) и кентум (30 дней)» (Седакова 2004, С. 71-72). Версия, надо признать, довольно экзотичная, но тут характерен сам посыл: исследователь сомневается в предлагаемом традицией объяснении, в поисках либо подтверждения его, либо опровержения. Мы, со своей стороны, пойдём иным путем.

Сперва следует остановиться на очевидном факте: не христианство установило традицию совершать поминки по умершим, и, разумеется, не оно ввело сроки этих поминовений, расположенные по определенной временной закономерности. Эта традиция известна едва ли не с зари человечества и хорошо разработана у индоевропейских народов как древности, так и современности, причем среди последних — и у нехристианских народов. В Древнем Риме «по каждом новом умершем в семействе соблюдались девятый день после похорон (*novemdialia*) и десятый (*denicalia*). /.../ Десятый день был последним днем глубокого траура» (Родонезский, С. 88). Древняя Греция: «Первое время погребальные жертвоприношения и погребальная трапеза повторяются через все возрастающие промежутки

времени: на третий и на девятый день на могилу снова приносят еду, в тридцатый день собираются за совместной трапезой, означающей окончание траура» (Буркерт, С. 339). Хеттское царство: «Среди табличек из Богазкёйского архива были обнаружены фрагменты единой серии, в которой описывается ритуал погребения царя или царицы. Вся церемония продолжалась по меньшей мере 13 дней, а возможно, и дольше; но процедура захоронения тела завершалась уже на второй день» (Гарни, С. 202). В Древней Индии похоронно-поминальная обрядность была детальнейшим образом разработана и канонизирована в составе нескольких сборников, из которых самыми известными являются «Гаруда-пурана», «Манава-дхармашастра» (Законы Ману) и «Вишну-смрити». В текстах перечисляются и сроки поминовения, имеющие весьма специфические основания, поскольку речь идет об обряде кремации, сохранившимся в Индии по настоящее время: *«На четвертый день следует выполнить церемонию собирания костей, [оставшихся после сожжения трупа], и бросить их в воды Ганги»* (Вишну-смрити. XIX.10-11), *«На девятый день всем родственникам в должное время следует окропить себя маслом, если желают, чтобы покойник достиг небес»* (Гаруда-Пурана-сародхара. XI.34). Мы видим в приведенных примерах довольно типичную ситуацию, во многом тождественную поминальному регламенту восточнославянских народов: отмечаются третий или четвертый день – что находит соответствие в славянских трети-нах, а сороковинам функционально соответствует обряд десятого (древние римляне, индусы), возможно, тринадцатого (хетты) дней, причем особо нужно выделить проведение поминок в тридцатый день (древние греки), как наиболее близкий к сороковинам срок из описанных вариантов.

Однако, самое интересное в установлении параллелей восточнославянским сороковинам еще только начинается. Срок в сорок дней в качестве даты поминок известен многочисленным иранским народностям. Начнем с осетин, у которых среди сроков поминовения отмечается *Дыууиссаедзаем бон(ы хист)* «поминки на сороковой день» (Чибириков, С. 311); для тех, кто носил траур 40 дней, про-

водили обряд *сауиссен* «снятие траура» (Бесолова, С. 33), «Мужчины, не брившиеся в знак траура в течение сорока дней, вызываются к траурному столу, и старшие предлагают им «очиститься», т.е. побриться, снять траур» (Дзаттиаты, С. 19). Здесь, впрочем, нужно сделать оговорку: поскольку осетины исповедуют христианство, чисто теоретически можно было бы допустить, что данный обычай привнесен новой религией. Хотя это и не так, все же оставим осетинский материал под сомнением и не будем его засчитывать при подведении итогов⁵. Но подобных сомнений нет в других случаях, поскольку речь идет о мусульманах, живущих весьма далеко от христианских центров, что исключает христианское влияние. У бахтияр – кочевников юго-запада Ирана, «траур длился 40 дней» (Трубецкой, С. 130). Бартангцы (ираноязычный народ на Памире): «после смерти человека в течение сорока дней, а иногда больше, женщины каждую пятницу посещают могилу умершего и возливают масло на могильный камень» (Лашкариев, С. 155); у живущей в Таджикистане этнографической таджикоязычной группы ирони (форс) «поминки устраивают на двадцатый и на сороковой день» (Люшкевич, С. 58); «Следует заметить, что и у горных таджиков камень выступает как заместитель умершего – на месте, где лежал покойник, как только его вынесут, ставят свечку и на три дня кладут камень. Раньше его оставляли на 40 дней», «раньше свечу зажигали в течение 40 дней» (Бабаева, С. 50, 68); у таджиков «на сороковой день устраивались большие поминки» (Троицкая, С. 243), при этом они «верили, что у покойника при исполнении обряда сорокового дня лопнет большой палец левой ноги, все содержимое выйдет, и он навеки избавится от страданий и успокоится» (Мейтарчян, С. 174). Аналогичная обрядность сохранилась у узбеков – тюркского народа,

⁵ По той же причине не дается ссылка на армянскую традицию, где также имеется обряд поминовения в сороковой день – *karasunk* (Армяне. (Народы и культуры). – М., 2012, С. 357). Обрядность близка осетинской: траур держат сорок дней, в течение которых мужчины не бреются, в сороковой день совершается выведение из траура. О воздержании от бритья бороды в течение десятидневного траура говорится в Гаруда-пурана-сародхаре (XI.38).

в этногенезе отдельных родов которого участвовали ираноязычные жители государства Хорезм (Снесарев, С. 10). Узбеки Хорезма: «в Дургадыке говорят, что духи умерших еженедельно являются лишь в течение сорока дней после смерти; после этого срока они приходят далеко не ко всем. Иногда посещения продолжаются до года. Возможно, что здесь имеет место связь с традиционными сроками поминок (на сороковой день и в годовщину)» (Снесарев, С. 117); узбеки Ферганы: «Женщины – члены семьи умершего /.../ вплоть до проведения сороковин (в некоторых местах – поминок двадцатого дня) должны были соблюдать строгий траур – чилла сакламок («соблюдать сорокадневье»)» (Кармышева, С. 148). Более того, тот же срок траура устанавливается в отдельных случаях в священном писании персов-зороастрийцев: «Если умирает дед или бабушка, сколько должны скорбеть внук по деду, внучка по бабушке? Сколько по праведнику? Сколько по грешнику?» Отвечал Ахура Мазда: «Двадцать пять дней по праведнику, пятьдесят дней по грешнику». /.../ «А если умирает дядя или тетка?» – «Двадцать пять дней по праведнику, сорок дней по грешнику» (Авеста. Видевдат. XII.9, 13). Не менее примечательно, что указанный период соблюдался в похоронном ритуале скифов: «Когда же умирают все прочие скифы, то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям. /.../ Простых людей возят таким образом по округе сорок дней, а затем передают погребению» (Геродот. История. IV.73). С пережитками зороастризма связывают некоторые обряды похоронно-поминального цикла у киргизов, весьма далекие от ритуалов кочевых тюрков, каковыми те являются по происхождению: «У киргизов покойного обмывали люди одного с ним возраста. Это делали обычно «на том же месте, где он лежал поверх клевера или полыни». Затем в течение 40 дней там ставили свечи. На юге Киргизии на левой или правой стороне помещения в зависимости от пола усопшего делали углубление для стока воды, над которым ставили специальный ящик. Потом эту яму закапывали и в течение трех дней, а затем каждый четверг в течение сорока дней там зажигали свечи, старались не наступать на это место» (Мейтарчян, С. 161).

Похоже ли это на быт степняков? А вот на зороастрийское (индоиранское) прошлое – вполне. У иранских народов Памира (Верхний Бартанг) *«В Бартанге вечером, на протяжении двух дней после смерти человека, на том месте, где обмывают покойника, зажигают три свечи (dalil), которые представляют собой палочки с намотанными на них тряпками, пропитанными маслом. Свечи устанавливают в чашу с водой, и как только свечи догорают до конца, их окунают в воду. По поверью, свечки зажигают для того, чтобы на том свете они освещали дорогу покойнику»* (Лашкариев, С. 82-83). Об аналогично выстланном ложе для усопшего и необходимости поддерживать огонь в светильнике говорит, в частности, Гаруда-пурана-сародхара (IX.16, 63): *«Умершего человека необходимо уложить на землю, очищенную навозом; устеленную травой дарбха, не поддерживая его на весу», «Очистив место смерти настоем коровьего навоза, он должен держать зажженным светильник до 12-го дня, повернув его на юг»*. Имеются и восточнославянские параллели тому (о чем далее). Таким образом, ислам здесь, собственно, ни при чем, и данное обыкновение представляет собой наследие доисламского прошлого этих народов индоевропейского происхождения. И, хотя в работе А.А. Хисматулина и В.Ю. Крюковой говорится: *«Как и повсюду в мусульманском мире, поминки у таджиков, язгулемцев и курдов обязательно устраиваются на третий, седьмой, сороковой дни и через год. В качестве дополнительных дней поминки могут устраиваться также на девятый, двадцатый дни, вечером накануне пятницы в течение сорока дней»* (Хисматулин, С. 106). Однако специально о немусульманском происхождении традиции поминать на сороковой день указано в статье: Чвырь Л.А. «Три чилла» у таджиков // Этнография в Таджикистане. – Душанбе, 1985, С. 71. У хантов по мужчине отмечали 50 дней, а по женщине – 40 дней (Талигина, С. 134).

Похоронно-поминальные ритуалы входят в группу обрядности жизненного цикла – так называемых «обрядов перехода» или инициаций. На протяжении жизни человек проходит несколько социализирующих ритуалов, призванных ввести его в определенную кате-